

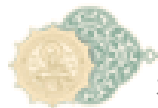
Популярность—обязательное качество церковной проповѣди.

Опредѣляя характеръ церковной проповѣди, мы указали¹⁾ два главные требованія, выполненіе которыхъ обязательно для проповѣдника. Въ проповѣди, съ одной стороны, долженъ быть строго выдержанъ церковно-библейскій духъ, и другое коренное свойство, какимъ должна отличаться проповѣдь, — *популярность* проповѣди.

Говорить популярно значитъ говорить или излагать ученіе народу полнымъ открытымъ словомъ, для всѣхъ доступнымъ и удобопріемлемымъ. Понятна необходимость такого свойства рѣчи проповѣднической. Церковный учитель предлагаетъ народу сокровище божественной истины, — предлагаетъ съ тѣмъ, чтобы народъ воспринялъ его и воспользовался имъ. Было-бы противно цѣли и назначенію проповѣди, если бы назиданіе, въ ней предлагаемое, сообщалось было народу въ такомъ видѣ, что онъ затруднялся бы принять и понять его во всей цѣлости. Было бы далѣе со стороны проповѣдника признакомъ невниманія къ народу, пожалуй, нѣсколько обиднаго для него, если бы проповѣдникъ въ своей рѣчи, обращенной къ народу, не сообразовался со степенью восприимчивости слушателей. Если малѣйшая частная тѣнь заслоняетъ предъ взоромъ народа то, что хочетъ дать или сообщить ему проповѣдникъ, — это уже недостатокъ проповѣди, и нарушение коренного требованія, обращаемого къ проповѣднику.

Проповѣдникъ возвѣщаетъ или долженъ возвѣщать народу ученіе евангельское. Отличительное свойство этого ученія то, что оно ученіе всенародное, всѣмъ данное, общегод-

¹⁾ Труды Киевской дух. Академіи, 1904 г., сентябрь.

ное. Господь повелѣлъ апостоламъ: *идите научите вся языки* (Матѳ. XXVIII, 19). Посылая дванадесять апостоловъ на проповѣдь, Онъ говоритъ имъ: *еже глаголю вамъ во тьмѣ, рцыте въ свѣтѣ, и еже во уши слышите, проповѣдите на кровѣхъ* (Матѳ. X, 27). Рѣчь во свѣтѣ, передающая сказанное во тьмѣ, и проповѣдь, возглашающая на кровѣхъ слышанное дома въ уединеніи, заповѣданная апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ послѣдующимъ служителямъ церковнаго слова, есть именно рѣчь популярная, всѣмъ понятная, для всѣхъ удобопріемлемая. Словами, выше приведенными, Господь всѣмъ провозвѣстникамъ Евангелія внушаетъ обязательно такъ передавать ученіе, имъ порученное, чтобы каждый изъ народа всецѣло могъ воспринять его.

Популярность, такимъ образомъ, сколько желательное, столько и необходимое свойство проповѣди. Между тѣмъ на практикѣ, въ дѣйствительности, полная совершенная популярность встрѣчается весьма рѣдко, и ея часто мы не находимъ въ произведеніяхъ самыхъ выдающихся проповѣдниковъ. Общегодная, для всѣхъ данная, христіанская истина, прежде, чѣмъ излиться въ словѣ проповѣдника, проходитъ чрезъ горнило его сознанія, и онъ передаетъ ее въ такой формѣ, какую образуетъ и даетъ ей работа его мысли. И вотъ часто эта форма, сплетенная работою мысли проповѣдника для передачи народу истины евангельской, не даетъ ей надлежащаго свѣта, и заслоняетъ ее такъ, что для многихъ изъ слушателей она не является вполнѣ ясною, и не воспринимается ими во всей цѣлости, а иногда проносится мимо ушей ихъ. Жиберъ въ своей прекрасной книгѣ „Христіанское краснорѣчіе въ идеѣ и практикѣ“¹⁾, выставляя попу-

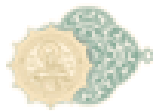
¹⁾ L'éloquence chrétienne dans l'idée et dans la pratique par le p. Gisbert, char. XC, p. 192.

лярность изложенія, какъ одно изъ необходимыхъ качествъ проповѣди, съ сожалѣніемъ говоритъ о томъ, что этого качества нѣтъ въ проповѣдяхъ большинства проповѣдниковъ, даже самыхъ отличныхъ, пользующихся наибольшею репутаціею. „Они говорятъ вещи всегда разумныя, всегда христіанскія, и излагаютъ ихъ языкомъ чистымъ, изящнымъ, благороднымъ и возвышеннымъ. Чего же недостаетъ имъ? Недостаетъ того, чтобы они говорили популярно... Проповѣдникъ имѣетъ предъ собою многочисленную аудиторію; его въ молчаніи слушаетъ, можно сказать, весь міръ, то есть, лица всякихъ возрастовъ, званій, состояній и степеней образованія, и образованные между ними составляютъ меньшинство. Между тѣмъ многіе думаютъ объ этихъ образованныхъ, и ихъ вкусу и запросамъ хотятъ удовлетворять, когда составляютъ свои проповѣди. Но тотъ не пріобрѣтетъ репутаціи великаго проповѣдника, кто хочетъ говорить для людей образованныхъ и ученыхъ. Ученые и образованные не составляютъ большинства, а необходимо говорить большинству, —всему народу, чтобы заслужить у него титулъ великаго оратора“.

Что же долженъ соблюдать проповѣдникъ, во исполненіе закона популярности?

Требованія закона популярности очень широкія. Часто ограничиваютъ эти требованія одними свойствами языкового изложенія. Но такое узкое пониманіе закона популярности не отвѣчаетъ существу дѣла. Требования закона популярности касаются: 1) содержаніи проповѣди, 2) образа представленія и раскрытія мысли и наконецъ 3) языкового изложенія.

Содержаніемъ проповѣди служить евангельская или христіанская истина, понимаемая во всей ея широтѣ. Эта евангельская истина, составляющая предметъ проповѣдническихъ изложеній или рѣчей, обладаетъ совершенною прозрачністю, и ясна не только для образованнаго человѣка, но даже и для

младенческаго, мало развитога ума. Такою она является въ устахъ божественнаго Учителя Господа Иисуса Христа, Который долженъ служить для насъ образцомъ въ дѣлѣ исполненія учительскаго долга. Ученіе, Имъ преподаваемое народамъ, при всемъ своемъ величіи и высотѣ, для всѣхъ понятно, для всѣхъ впечатлительно, и нѣтъ въ немъ никакой тѣни, возбуждающей сомнѣніе или затрудняющей пониманіе. Берите изъ этой сокровищницы то, что прямо открывается предъ вашими глазами, но не утруждайте себя изысканіемъ какихъ-либо особыхъ утонченныхъ темъ, съ цѣлію заинтересовать людей болѣе или менѣе образованныхъ.

Одинъ можетъ быть вѣрный указатель того, что лучше всего, сообразуясь съ закономъ популярности, выбирать для назиданія народа изъ широкой и многообъемлющей истины христіанской,—это точное знаніе нуждъ и духовныхъ потребностей народа, и безошибочное представленіе его религіозно-нравственнаго состоянія. Разъясняйте народу то изъ христіанскаго ученія, что мало знакомо ему, или что неправильно понимается имъ. Направляйте свое слово противъ тѣхъ недостатковъ, какіе замѣчаете въ средѣ, окружающей васъ. Если этой средѣ угрожаютъ какія-либо заблужденія, идущія отъ внѣшнихъ, или уже вторгаются въ нее и омрачаютъ ея религіозное сознаніе,—непремѣнный долгъ проповѣдника предохранять отъ этихъ заблужденій паству, для которой проповѣдникъ является учителемъ и руководителемъ, и разсѣивать ложь, затемняющую умы вѣрующихъ.

Иные изъ проповѣдниковъ не хотятъ довольствоваться простымъ ученіемъ о предметахъ вѣры, а ищутъ новыхъ матерій для своихъ поученій; потому что (говорятъ) избитыя, всѣмъ извѣстныя, вещи, излагаемыя зауряднымъ образомъ, не интересно слушать, и проповѣдь такого рода не производитъ впечатлѣній на слушателей. Но проповѣдь говорится не для того, чтобы доставить услажденіе тому или другому изъ слушателей и удовлетворить изысканной пыт-

ливости ихъ. Она предлагаетъ доброе назиданіе слушателямъ и указываетъ имъ путь спасенія. Бѣды нѣтъ въ томъ, если указаніе пути спасенія повторяется не разъ и не два, особенно, если замѣтно уклоненіе отъ него въ той средѣ, которой предлагается ученіе. Святый Іоаннъ Златоустъ немало не стѣснялся, а, напротивъ, находилъ нужнымъ нѣсколько разъ говорить своимъ слушателямъ объ одномъ и томъ же, когда видѣлъ, что его внушенія мало дѣйствуютъ на нихъ, и они не исправляются отъ его увѣщаній. „Хотя и вчера и третьяго дня говорилъ вамъ объ этомъ предметѣ (избѣжаніи клятвъ),—читаемъ мы въ его пятой бесѣдѣ о статуяхъ—однако не перестану и сегодня, и завтра, и послѣ завтра внушать то же. И что говорю,—завтра или послѣ завтра? Не перестану, пока не увижу, что вы исправляетесь. Если уже преступающіе законъ не имѣютъ стыда, тѣмъ болѣе мы, внушающіе не преступать закона, не должны стыдиться постоянного увѣщанія объ одномъ и томъ же. Постоянное напоминаніе объ одномъ и томъ же зависитъ не отъ говорящаго, но отъ слушающихъ, которые требуютъ непрерывнаго наставленія въ простыхъ и удобоисполнимыхъ дѣлахъ¹⁾. Въ другой бесѣдѣ (двѣнадцатой) онъ опять высказываетъ то же самое: „Хочу опять поговорить съ вами о клятвахъ, не стыжусь. Не тяжело мнѣ говорить вамъ и день и ночь одно и то же, но боюсь, чтобы, прослѣдивъ за вами столь много дней, не обвинить мнѣ васъ въ великой безпечности тѣмъ, что нужно вамъ постоянно напоминать о такомъ великомъ дѣлѣ. Да не только стыжусь, но и боюсь за васъ; потому что непрерывное наставленіе внимательнымъ полезно и спасительно, а нерадивымъ вредно и опасно“²⁾.

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста бес. о статуяхъ 5, п. 7. Творенія св. 1. Злат., изд. С.-Петербург. Академія, т. II, кн. 1, стр. 80.

²⁾ Св. Іоанна Златоуста бес. о статуяхъ XII, п. 6. Твор. св. 1. Злат., т. II, кн. 1, стр. 146.

Если святой славный отецъ, величайшій изъ всѣхъ христіанскихъ проповѣдниковъ, нисколько не стѣснялся и даже находилъ нужнымъ много разъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ предъ своими слушателями, напоминать имъ объ одномъ и томъ же правилѣ, въ видахъ исправленія правотъ и искорененія дурныхъ обычаевъ, то почему не слѣдовать его примѣру другимъ зауряднымъ проповѣдникамъ? Зачѣмъ искать новыхъ, необычныхъ матерій, не указываемыхъ прямо евангельскою истиною?

Ученіе христіанское ученіе древнее, данное божественнымъ откровеніемъ и неизмѣнно хранимое въ церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе никогда не старѣющееся: оно полно силы во всей своей простотѣ. Изысканность, старающаяся блеснуть здѣсь искусственностію и оригинальнію, здѣсь вещь неудобная. Берите ученіе готовое и разъясните его, зовите къ суду его явленія жизни, предъ вами раскрывающейся, исправляйте и укрѣпляютъ его разъясненіемъ вѣру и поведеніе христіанъ. Вотъ задача, выполненіе которой первый и главный долгъ проповѣдника. Въ припяти и преподаваніи готоваго даннаго ученія не затрудненіе для проповѣдника, а прямая выгода для него. Святой Григорій Двоесловъ въ своемъ *Пастырскомъ правилѣ* касательно этого предмета даетъ проповѣдникамъ слова Божія такое доброе наставленіе: совѣтуя и предписывая проповѣднику тщательно обдумывать то, что онъ хочетъ предложить слушателямъ, святой отецъ говоритъ при этомъ, что „главное стараніе его здѣсь не туда должно быть направлено, чтобы изобрѣсть что-нибудь особенное и интересное, или поразить слушателей неслыханною мудростію, заповѣдуя ему *не мудрствовать паче, еже подобаетъ мудрствовать* (Рим. XII, 3). Во что вѣрують всѣ христіане, что всѣ должны знать,—только то онъ долженъ раскрывать предъ ними. Первая его забота, при обдумываніи проповѣди, должна быть о томъ, чтобы какою-нибудь неправославною мыслію не возмутить

и не оскорбить совѣсти слушателей. Въ противномъ случаѣ онъ, стараясь показаться мудрѣйшимъ, расторгнетъ только союзъ единства, и тѣмъ лишь больше выкажетъ свое неразуміе“¹⁾.

Если что новое можетъ быть допустимо въ проповѣди по отношенію къ ея содержанію, и даже желательно въ ней для большей ея дѣйственности, то это не новостъ ученія, а въкоторая живость или новостъ представленія и раскрытія религіозныхъ истинъ, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. Эта новостъ состоитъ въ томъ, чтобы въ проповѣди видна была печать личнаго, самостоятельнаго труда проповѣдника, печать личной мысли и личнаго чувства. Для этого нужно, чтобы истина христіанская не была для проповѣдника сухимъ мертвымъ матеріаломъ, заимствованнымъ изъ книгъ, а чтобы она была пережита, перечувствована имъ и проникла все существо его души. Тогда въ его словѣ не будетъ безцвѣтнаго повторенія чужихъ мыслей, а въ немъ будетъ чувствоваться новая живая сила,—отголосокъ живой души, износящей святую истину изъ внутренней лабораторіи своего сердца, и старому будетъ дано новое освященіе, служащее отраженіемъ пережитого опыта.

Въ силу закона популярности проповѣднику не слѣдуетъ поднимать на церковной каѳедрѣ утонченные богословскіе вопросы и занимать вниманіе слушателей разсужденіями о такихъ предметахъ, о какихъ спорять и разсуждаютъ люди ученые въ школѣ и въ печати. Каѳедра церковная не то же, что каѳедра школьная, профессорская. Умѣстное и нужное на каѳедрѣ школьной можетъ оказаться непригоднымъ для каѳедры церковной. Каѳедра церковная существуетъ не для сужденій о предметахъ чистаго теоретическаго знанія: она

¹⁾ Regula pastoralis, p. 11, l. IV. Patrologiae latinae c. T. LXXVII. Сн. нашу книгу: Св. Григорій Двоесловъ—его проповѣди и гомилетическія правила, стр. 320.

имѣть специальную цѣль вводить въ жизнь христіанскія начала, направлять людей на путь спасенія и руководить ихъ нему. Въ угоду людямъ образованнымъ иные изъ проповѣдниковъ рѣшаются предлагать на церковной кафедрѣ такія мудренныя изложенія, которыя напоминаютъ собою ученые трактаты или школьныя лекціи. Но проповѣдникъ всегда долженъ представлять, что онъ говоритъ не предъ избранною публикою, а предъ народомъ, въ которомъ больше простыхъ людей, чѣмъ людей образованныхъ, интересующихся вопросами высшаго знанія, хотя бы и богословскаго. Да и сами образованные едва-ли получаютъ удовлетвореніе, если бы предъ ними въ храмѣ, куда они являются по побужденію религіознаго чувства, ища здѣсь того, что питаетъ душу, жаждущую спасенія, станутъ разглагольствовать о вопросахъ утонченнаго свойства, не имѣющихъ прямого непосредственнаго отношенія къ дѣлу нашего спасенія, и будутъ показывать предъ ними школьную ученость. Для разсужденій о предметахъ высшаго знанія должна быть другая обстановка и другое мѣсто, и это могутъ чувствовать всѣ образованные, когда имъ предлагается, вмѣсто спасительнаго слова вѣры, ученое разсужденіе.

Наше положеніе о томъ, что на церковной кафедрѣ нужно избѣгать спорныхъ, трудныхъ и отвлеченныхъ матерій, мы можемъ подтвердить наставленіемъ святаго апостола Павла. Апостолъ предписываетъ Тимофею, а въ лицѣ его и всѣмъ христіанскимъ учителямъ, уклоняться *отъ стязаній и словопреній, а держаться здравыхъ словесъ Господа нашего Иисуса Христа и ученія, еже по благовѣрію* (1 Тим. VI, 20. 3). Къ этимъ стязаніямъ и словопреніямъ относятся ученыя изысканія, которыя подвергаются разбору и вызываютъ разногласіе мнѣній въ трудахъ людей школы. Суть бо такія изысканія, вызывающія споры, по слову Апостола, *не полезны и суетны* (Тим. III, 9). Апостолъ совѣтуетъ соблюдать въ ученіи чистоту, степеньность, не-

поврежденность, и возвыщать слово здоровое, не зазорное, слыша которое противникъ ничего не могъ бы сказать о насъ укоризненного (Тим. II, 7—8). Въ чемъ состоитъ это слово, здоровое и не зазорное, Апостолъ объясняетъ далѣе, когда говоритъ: *явился благодать Божія, спасительная всѣмъ челоѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшиися нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго уповаія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже предаль есть себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія и очиститъ себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ...* Указавши сущность спасительнаго ученія вѣры и благочестія, Апостолъ прибавляетъ: *сія глаголи, и моли и обличай со всякимъ повелѣніемъ* (Тит. II, 11—15).

Наставленіе Апостола держаться въ проповѣди Евангелія простаго и здраваго слова и избѣгать всякихъ ухищреній и мудрованій подтверждается примѣромъ его собственнаго благовѣствованія, и этотъ примѣръ долженъ быть сдерживающею силою для людей, желающихъ выносить на церковную кафедру трудные ученые вопросы... Христосъ послалъ меня (говорилъ онъ) благовѣствовать *не въ премудрости слова*, чтобы не уязвить креста Христова. И когда приходитъ я къ вамъ, братіе (пишетъ онъ Коринѣянамъ), приходилъ возвыщать вамъ свидѣтельство Божіе *не въ превосходствѣ слова или мурости..* И слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ челоѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы, чтобы вѣра ваша утверждалась не на мудрости челоѣческой, но на силѣ Божіей (I Кор. 1, 17. 11, 1. 4).

Кажется, достаточно ясно указывается и наставленіемъ и примѣромъ Апостола тотъ желанный, законный путь, какимъ нужно слѣдовать служителямъ церковнаго слова, чтобы ученіе, ими преподаваемое, нося характеръ церковный, на-

ходило всякій доступъ въ умы и сердца народа, и чтобы имъ быть проповѣдниками популярными.

Другое условіе, выполненіе котораго требуется отъ проповѣдника въ силу закона популярности, касается способа представленія или развитія мысли, посвященной уясненію той или другой истины христіанской. Слово проповѣдника не будетъ словомъ популярнымъ, если онъ будетъ говорить словомъ сухаго, холоднаго разсудка и будетъ вращаться въ кругъ отвлеченныхъ представленій. Чистое логическое разсужденіе, хотя бы и умное, не даетъ слова, впечатлительнаго для народа. Для того, чтобы найти легкій доступъ къ уму и сердцу народа, это разсужденіе должно быть сопровождаемо или покрываемо словомъ болѣе или менѣе живаго воображенія. Здѣсь необходима наглядность представленія и раскрытія мысли. А эта наглядность представленія достигается тогда, когда проповѣдникъ, вмѣсто общихъ отвлеченныхъ опредѣленій и разсужденій, изображаетъ предметъ въ частныхъ чертахъ, примѣнительно къ умственному состоянію и образу представленія слушателей. Вмѣсто отвлеченныхъ умствованій въ проповѣди (если она хочетъ обладать свойствомъ популярности) желательны описанія и изображенія тѣхъ состояній, въ какихъ проявляется въ жизни то или другое правило или понятіе. Жизнь и ея явленія должны быть тѣмъ началомъ или матеріаломъ, откуда онъ долженъ заимствовать свои поясненія для болѣе впечатлительнаго представленія народу извѣстной части истины, взятой изъ общей сокровищницы вѣры Христовой. „Законъ популярности (говорить Шоттъ, авторъ замѣчательной *„Теоріи краснорѣчія, съ особеннымъ примѣненіемъ къ духовному краснорѣчію“*) мы соблюдаемъ тогда, когда всеобщее представляемъ въ частныхъ явленіяхъ и невидимое въ конкретномъ образѣ, основное положеніе переводимъ въ факты и примѣры, и эти образы, факты и примѣры заимствуемъ изъ круга наблюде-

ній и опытовъ близкихъ къ народу ¹⁾). Это необходимо потому, что у народа или у большинства слушателей господствуетъ чувственный образъ представленія, и онъ не способенъ къ воспріятію логическихъ отвлеченныхъ понятій и разсудочныхъ доказательствъ, какъ бы они ни были основательны.

Идеальный образецъ истинно популярнаго представленія истины, подражать которому можно поставить въ обязанность каждому проповѣднику, мы видимъ въ рѣчахъ Господа Иисуса Христа, записанныхъ въ Евангеліи. Высокія истины раскрываетъ Онъ въ своихъ бесѣдахъ съ народомъ или учениками. И какъ у Него выпукло и разительно выставляется все, о чемъ бы Онъ ни говорилъ. Въ Его рѣчи нѣтъ ни малѣйшей тѣни, и всякій понимаетъ и принимаетъ ее къ сердцу. Въмѣсто того, чтобы вести къ истинѣ путемъ умозаключеній, Онъ представляетъ примѣръ, приводитъ разные образы и сравненія, и эти образы и сравненія берутся изъ круга предметовъ, близкихъ народу и ему понятныхъ. Предъ людьми изъ народа Онъ говоритъ объ ихъ дѣлахъ и ежедневныхъ занятіяхъ, и чрезъ нихъ, или чрезъ указаніе на нихъ, приближаетъ къ ихъ пониманію тайны царствія Божія. Для разясненія духовныхъ предметовъ Онъ приводитъ образы и примѣры изъ жизни земледѣльцевъ, изъ жизни людей, занимающихся ловитвою рыбъ или воздѣлываніемъ виноградника, изъ жизни пастуховъ, стерегущихъ овецъ и ищущихъ заблудшую овцу и тому под., и эти образы, родные слушателямъ, глубоко напечатлѣваясь въ ихъ сердцахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ непринужденно доводили ихъ до усвоенія того внутренняго смысла, для котораго эти образы служили видимымъ облаченіемъ. И можно ли логическимъ

¹⁾ Die Theorie der Beredsamkeit mit besonderer Anwendung auf geistliche Beredsamkeit, dargestellt v. D. N. Aug. Selout. См. нашу книгу: Гомилетика въ новое время, стр. 278.

путемъ и теоретическими доказательствами такъ сильно и впечатлительно изобразить милосердіе Божіе къ падшему грѣшнику, въ особенности для людей, не привыкшихъ къ тяжелымъ размышленіямъ, какъ это изображаютъ притчи Спасителя о пастырѣ, потерявшемъ одну овцу и оставившемъ девяносто девять для того, чтобы искать одну заблудшую, или о женѣ, имѣющей десять драхмъ, утеравшей одну и употреблявшей всѣ старанія, чтобы сыскать потерянную драхму, и еще болѣе трогательная притча о блудномъ сынѣ? Или возьмите мысль о значеніи здѣшнихъ удовольствій и страданій и отношеніе ихъ къ послѣдней судьбѣ челоѣка. Сколько бы нужно было длинныхъ разглагольствій для уясненія этой мысли, если держаться логическаго пути ея раскрытія, и эти разглагольствія были бы сухи и не впечатлительны. Но изъ устъ Спасителя выдѣлась притча о богатомъ и Лазарѣ, и богатая назидательная мысль не находитъ лучшаго выраженія, краткаго, но полнаго, понятнаго для всѣхъ и въ то же время обнимающаго всю широту истины. Или хочетъ внушить Спаситель своимъ слушателямъ быть всегда бдительными въ ожиданіи грядущаго суда Божія, и вмѣсто теоретическихъ доказательствъ Онъ предлагаетъ притчу о десяти дѣвахъ и о рабахъ, ждущихъ господина своего, и эти притчи передаютъ глубокую истину въ болѣе рельефномъ образѣ и оставляютъ болѣе сильный слѣдъ въ умахъ слушателей, чѣмъ это сдѣлали бы разсудочныя доказательства. Мы не приводимъ другихъ примѣровъ изъ рѣчей Спасителя, могущихъ научить насъ, какъ нужно разъяснять народу высокія истины вѣры. Ими наполнено святое Евангеліе, и они хорошо извѣстны всѣмъ, исповѣдающимъ вѣру во Христа Господа. Какъ было бы желательно, чтобы такая метода ученія, отличающаяся такою наглядностію, выпуклостію и впечатлительностію представленія высокыхъ истинъ вѣры, усвоена была служителями церковнаго слова! Овладевъ ею, они по истинѣ были бы популярными проповѣдниками.

Амфитеатровъ, въ своей гомилетикѣ указывая свойства, какими должно отличаться церковное собесѣдованіе, между прочимъ, требуетъ отъ проповѣдника, чтобы онъ приспособлялся къ духу и характеру того народа, которому проповѣдуетъ и ставитъ для него такое правило: *поучай такъ, чтобы ученіе въры было доступно духу и характеру твоего народа*. Разъясняя это правило, онъ ставитъ на видъ то, что наша проповѣдь,—проповѣдь русскихъ проповѣдниковъ, должна быть всецѣло проповѣдію русскою, отличною отъ проповѣди иностранной. „Не у всякаго народа (говоритъ онъ) одинъ и тотъ-же духъ и характеръ, вкусъ и навыки, способности и страсти, добродѣтели и пороки; не одинакова для всѣхъ нужна и бесѣда. Годное для германца не совсѣмъ годится италіянцу; блестящее и назидательное у француза не совсѣмъ назидательно русскому“. Далѣе Амфитеатровъ представляетъ характеристику проповѣди французской и противопоставляетъ ее проповѣди, желательной на русской кафедрѣ. „Читайте (говоритъ онъ) на русской кафедрѣ самое лучшее слово французскаго проповѣдника, каково, напримѣръ, слово о *маломъ числѣ избранныхъ*: что произведетъ оно въ вашихъ слушателяхъ? Вѣроятно, немного что болѣе, кромѣ скуки и усталости. Кому понятны эти тонкія страсти, эта подробность чувствованій, эти едва замѣтные отбѣнки внутреннихъ движеній сердца, которые такъ искусно умѣютъ раскрывать французскіе проповѣдники? Для кого нужна эта искусная ткань мыслей, ловкость оборотовъ, кстати или не кстати живопись, жаръ, вопросъ, воззваніе,—эта вычищенность, выглаженность, можно сказать, придворная манерность, по которой французская проповѣдь выходитъ превосходнымъ произведеніемъ литературнымъ, но въ которой, кажется, недостаетъ ни простоты христіанской, ни даже народности французской? Ибо французскіе проповѣдники по большей части раскрываютъ истины общія, дробятъ страсти общія, описываютъ добродѣтели и пороки об-

пціе. Всякая иностранная проповѣдь, исключая отеческія, годится на русской каедрѣ развѣ только въ передѣлкѣ, и русский проповѣдникъ гораздо народнѣе въ своей безыскусственности, въ своей прямотѣ и простодушіи, чѣмъ въ заученномъ деликатствѣ и тонкости рѣчи, въ своей краткости, чѣмъ въ подробности, въ наготѣ истины болѣе, нежели въ ея украшеніи, въ большемъ количествѣ предметовъ, помѣщаемыхъ въ одной проповѣди, нежели въ одномъ предметѣ, со всею обширностію и тонкостію разсматриваемомъ во многихъ проповѣдяхъ. Не всегда раскрашивай, но учи просто, открыто, великодушно, твердо и благосердечно, какъ проста, откровенна, тверда и добросердечна русская душа; ты будешь въ своемъ церковномъ наставленіи *народенъ по-русски*"¹⁾.

Мы признаемъ вполне основательнымъ выставленное Амфитеатровымъ общее начало, по которому проповѣдь, чтобы быть проповѣдію популярною, должна сообразоваться съ свойствами и духомъ того народа, которому говорится, и носить на себѣ явственную печать народности. Русская проповѣдь по своему характеру должна быть болѣе или менѣе своеобразною, и должна отличаться отъ проповѣди французской или нѣмецкой или какой-либо другой иностранной. Но мы не находимъ совершенно точною ту характеристику, какую даетъ Амфитеатровъ русской проповѣди, въ отличіе ея отъ проповѣди иностранной. Кореннымъ отличительнымъ свойствомъ русской проповѣди онъ считаетъ и выставлетъ полную безыскусственность, при которой проповѣдь является совершенно чуждою украшеній. Русская народная проповѣдь, по его указанію, должна быть простою бесѣдою, не подчиняющеюся какимъ-либо искусственнымъ правиламъ, и не соблюдающею единства предмета, хотя бы она была бесѣ-

¹⁾ Читанія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. II, § 221, стр. 38—39.

дою очень краткою. Въ признаніи проповѣди русской народною проповѣдію, только при соблюденіи его полной безыскусственности, намъ кажется, есть доля излишняго односторонняго увлеченія гомилета. Зачѣмъ русской проповѣди назначать такія узкія границы? Почему не желать, чтобы она отличалась другими достоинствами, кромѣ прямоты и безыскусственности? И при соблюденіи эстетическихъ законовъ краснорѣчія, и при высокомъ достоинствѣ внѣшняго строя проповѣди, проповѣдь въ устахъ умѣлаго проповѣдника можетъ быть русскою народною и популярною. Между христіанскими проповѣдниками самымъ популярнымъ признается святой Іоаннъ Златоустъ. Но, соблюдая законъ популярности, онъ въ то же самое время болѣе, чѣмъ другіе, удовлетворяетъ требованіямъ высшаго краснорѣчія. Отъ чего не можетъ быть и русской проповѣди, отличающейся и популярностью и краснорѣчіемъ? Дѣло не въ нарочитой простотѣ, которая можетъ быть дѣланная и искусственная, а въ умѣны приспособиться къ духу и пониманію народа, въ способности воплотить въ себѣ душу народа, говорить его умомъ и сердцемъ. Свойство это говорить въ духѣ своего народа составляетъ достоинство не гомилетическихъ только произведений, но и литературы свѣтской. Иной говоритъ о высокихъ предметахъ, повидимому, не имѣющихъ тѣсной связи съ жизненными интересами народа, и говоритъ языкомъ изящнымъ, обработаннымъ, но чувствуется въ его рѣчи русскій духъ, и она вызываетъ сочувствіе народа. Возьмите въ примѣръ Пушкина. У него ли нѣтъ высокаго строя мысли и чувства, и неподражаемаго изящества поэтической рѣчи? А между тѣмъ онъ говоритъ всегда, какъ русскій поэтъ, котораго душа переполнена элементами, текущими изъ души народной, и это видно даже въ тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ изображаетъ предметы, взятые изъ сферъ далекихъ отъ народа, и выражаетъ чувства общечеловѣче-

скія. Другой изображаетъ нившіе слои народа, рисуетъ картины, взятыя какъ будто со дна народности, представляетъ кабацкія сцены, подлаживается подъ говоръ пьяныхъ босяковъ,—и выходитъ натянута, искусственно, мало народно. Могутъ ли сравниться съ великимъ русскимъ поэтомъ силою пониманія русской народной души и умѣнья говорить въ тактъ и созвучіе ей позднѣйшіе изобразители народного быта, думающіе и старающіеся внѣшнимъ сходствомъ, передачею какихъ-либо случайныхъ частныхъ, ими подмѣченныхъ, передразниваньемъ простонароднаго говора замѣнить отсутствіе внутренняго сродства съ глубинами народного духа?

Третіе требованіе закона популярности касается внѣшняго изложенія или языковаго выраженія мысли, и обыкновенно когда говорятъ о популярности, какъ свойствѣ обязательномъ для проповѣдника, то первѣе всего, если не исключительно, думаютъ при этомъ о языкѣ проповѣдей.

Что же требуется здѣсь по отношенію къ внѣшнему изложенію, для того, чтобы проповѣдь была проповѣдію популярною? Прежде всего требуется совершенная ясность и прозрачность рѣчи. Соблюденіе полной ясности и прозрачности рѣчи ставятъ въ непремѣнное правило ораторамъ, говорящимъ предъ народомъ, всѣ, изъяснявшіе законы краснорѣчія, и по указанію авторитетныхъ представителей риторической науки публичная рѣчь предъ народомъ является безцѣльною и теряетъ свое значеніе, если въ ней нѣтъ этого качества. „На слова языка, въ какія ораторъ облекаетъ свою мысль (говоритъ Квинтиліанъ), онъ долженъ смотрѣть, какъ на деньги, которыя онъ даетъ народу; онъ долженъ бросать ихъ, если народъ не принимаетъ ихъ... Прозрачная ясность,—первое существенное свойство рѣчи, произносимой предъ народомъ, по Квинтиліану, въ стилѣ условливается опредѣленностію выраженія, правильною разстановкою

словъ, разумною мѣрою въ длинѣ предложеній, также и тѣмъ, чтобы не выпускать ничего необходимаго и не говорить ничего излишняго. Тогда и хорошо образованные чувствуютъ себя удовлетворенными, и необразованные не выходятъ съ пустыми головами... А чего нельзя понять сразу, того присутствующіе не станутъ слушать съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ или съ такимъ интересомъ, чтобы можно было рассчитывать, что они сами постараются изъяснить менѣе понятное, и дадутъ себѣ трудъ болѣе темныя мѣста освѣтить свѣтомъ своего ума; скорѣе они будутъ слушать разсѣянно и займутся совершенно сторонними мыслями. Поэтому все, что вы ни говорите, должно быть такъ прозрачно и ясно, чтобы смыслъ рѣчи, безъ особеннаго вниманія, какъ бы самъ собою напечатлѣвается на умѣ слушателей, подобно тому, какъ свѣтъ солнца напечатлѣвается на глазахъ. Потому нужно заботиться не о томъ, чтобы изложеніе можно было понимать, но о томъ, чтобы его нельзя было не понять. На этомъ основаніи болѣе важныя мысли нужно выражать два и три раза, если можно догадываться, что иначе слушателями онѣ не будутъ поняты“¹⁾).

Совершенно согласно съ этимъ авторитетнѣйшимъ представителемъ классической риторической науки говорить блаженный Августинъ, давшій первое руководство по гомилетикѣ. „Для христіанскаго наставника (говоритъ онъ) первый и главный долгъ,—во всѣхъ своихъ поученіяхъ быть сколько возможно вразумительнымъ, и говорить съ такою ясностію, что развѣ только самый непонятный человѣкъ былъ бы не въ состояніи понимать насъ; или же причина неудобовразумительности въ рѣчахъ происходила бы не отъ нашихъ словъ, а отъ чрезвычайной трудности и утонченности предметовъ, которые мы желаемъ изъяснить другимъ. Но та-

¹⁾ Quintiliani Institutiones oratoriae, VIII, с. 2.

нихъ предметовъ или вовсе никогда не должно предлагать народу для слушанія, или предлагать весьма рѣдко, въ случаѣ какой-либо необходимости... Въ бесѣдахъ мы не должны щадить никакого труда для того, чтобы истины, даже самыя трудныя для разумѣнія, но хорошо нами постигнутыя, какими бы то ни было образомъ довести до пониманія другихъ, и во что бы то ни стало,—перелить оныя въ душу слушателя... Въ бесѣдѣ вся забота наставника должна быть не о томъ, какъ бы краснорѣчивѣе, но о томъ, какъ бы яснѣе и очевиднѣе изложить предметъ свой¹⁾.

Для соблюденія полной ясности изложенія, проповѣдникъ заботливо долженъ избѣгать всего, могущаго затруднить для простого, мало развитаго, ума пониманіе рѣчи. Такъ не желательны въ проповѣди, произносимой предъ народомъ, длинныя періоды, многосложныя предложенія, съ извѣстными объясненіями. Они умѣстны въ княжьемъ языкѣ, и при чтеніи могутъ не затруднять пониманія читаемой книги. А въ живой рѣчи болѣе удобна рѣчь краткая, отрывистая; для неискушеннаго ума рѣчь, состоящая изъ многосложныхъ предложеній, служитъ препятствіемъ къ легкому усвоенію предлагаемой истины.

Далѣе, изъ проповѣдническаго языка должны быть изгнаны всѣ иностранныя слова, которыя безъ нужды пестрятъ и искажаютъ чистую русскую рѣчь, и не для всякаго понятны. Между тѣмъ у современныхъ проповѣдниковъ онѣ все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе. Къ чему они въ церковной проповѣди? Не понятныя для большинства народа, они являются здѣсь излишнимъ придаткомъ, какимъ служили бы, при расшатаніи съ народомъ, фальшивыя или чуждыя молитвы, значенія которыхъ онъ не понимаетъ. И кромѣ того они нарушаютъ цѣлостный церковный характеръ проповѣдническаго языка.

¹⁾ Христіанская наука блаж. Августина, кн. IV, §§ 22 и 23
Труды Киевск. дух. Акад. Т. II. 1905 г.

Вмѣстѣ съ этимъ должны быть изгоняемы изъ проповѣдническаго изложенія всѣ техническія выраженія, обычныя въ школьномъ языкѣ, имѣющія условное значеніе. А такихъ выраженій чрезвычайно много, и мы, привыкшіе къ школьному языку, часто не замѣчаемъ неумѣстнаго пользованія выраженіями и терминами, народу не вполне понятными. Но что понятнѣе, казалось намъ, терминовъ: *положительный*, *отрицательный*, *органический* и т. под? Но мы имѣли случай убѣдиться, что рѣчь, пересыпанная такими, повидимому, ясными и общеупотребительными терминами, была для многихъ слушателей темною грамотою, и они не уразумѣвали ея, какъ слѣдуетъ.

Даже съ осторожностію нужно употреблять библейскія выраженія, смыслъ которыхъ не вполне ясенъ для человѣка, незнакомаго съ богословскою школьною терминологіею. Всѣмъ ли будетъ понятно, если мы употребимъ выраженіе: „Священникъ по чину Мелхиседекову, а не Ааронову“ или „Христосъ наша пасха“, или „ходить по духу, а не по плоти“ и т. под? Если будетъ надобность употребить подобныя выраженія, ихъ нельзя оставлять безъ объясненія. Въ проповѣдническомъ изложеніи строго должна быть соблюдаема цѣльность языка, взятаго изъ народнаго лексическаго богатства, безъ всякой посторонней примѣси.

Ясности изложенія содѣйствуетъ простота рѣчи, которая должна быть другимъ отличительнымъ свойствомъ популярнаго изложенія. Въ чемъ состоитъ эта простота языка? Понятіе простоты исключаетъ все натянутое и искусственное, и рѣчь, отличающаяся простотою, является естественнымъ, непринужденнымъ выраженіемъ мысли и чувства. Отступаетъ отъ требуемой простоты рѣчи проповѣдникъ, когда говоритъ языкомъ ученыхъ разсужденій или слѣдуетъ обычаю школьнаго изложенія, всегда болѣе или менѣе искусственнаго. Онъ безхитростно долженъ пользоваться тѣмъ матеріаломъ языка, какой находится въ общенародномъ упо-

требленіи, и въ его рѣчи долженъ быть строго выдерживаемъ тонъ простой, естественной, непринужденной бесѣды, какой наблюдается въ рѣчахъ людей образованныхъ.

Мы нарочито выставили указаніе на то, что въ церковной бесѣдѣ, при соблюденіи возможной простоты рѣчи, долженъ быть выдерживаемъ тонъ и характеръ бесѣды людей образованныхъ. Простота, требуемая въ проповѣди, не то, что простоватость. Эта простота въ церковной рѣчи должна быть чистою и благородною. Въ ней не должно быть ничего вульгарнаго и низменнаго. Проповѣдникъ не долженъ говорить такимъ языкомъ, какимъ говорятъ простолюдины, или какой слышенъ на толкучемъ рынкѣ. Всегда долженъ помнить и сознавать проповѣдникъ свое значеніе, какъ посланника Господа Иисуса Христа, приносящаго народу Его слово, и говорящаго во имя Божіе,—важность и священное величіе того предмета, который онъ разъясняетъ народу, и высокое значеніе той кафедры, на которой стоитъ онъ. Это сознаніе должно сдерживать его отъ ниспаденія въ простоватый тонъ, и воодушевлять его къ веденію своей бесѣды языкомъ простымъ, но въ то же время благороднымъ и возвышеннымъ.

О популярности, какъ необходимомъ качествѣ проповѣди (говорятъ Жиберъ)¹⁾, не нужно имѣть низкаго представленія. „Церковный проповѣдникъ долженъ быть популяренъ, но въ то же время и высокъ. Онъ поднимаетъ такія возвышенныя матеріи, возвѣщаетъ народу о такихъ великихъ вещахъ, которыя не могутъ не возбуждать возвышенныхъ чувствъ и не устремлять мысли горѣ... Древніе учителя (Цицеронъ въ книгѣ *De oratore*) хотѣли, чтобы ораторъ возводилъ взоръ свой къ небу, и чтобы ему присуще было знаніе вещей небесныхъ для того, чтобы онъ испол-

¹⁾ L' eloquence chretienne dans l' idée et dans la pratique, par Gisbert, ch. XIII.

нялся великими идеями, и чтобы потомъ, переходя къ вещамъ низкимъ, земнымъ, говорилъ о нихъ болѣе благороднымъ и возвышеннымъ образомъ. Проповѣдники въ этомъ отношеніи имѣютъ великое преимущество предъ свѣтскими ораторами. Если знаніе звѣздъ и движенія неба способно возвышать душу, то не тѣмъ ли болѣе должно содѣйствовать возвышенному настроенію церковнаго оратора знаніе великихъ предметовъ, какія вѣра ставитъ предъ его глазами, мысль о безконечномъ величій Божіемъ, о вѣчныхъ мученіяхъ, о блаженствѣ праведныхъ и т. под.? О такихъ предметахъ нельзя говорить словомъ низкимъ, и они сами собою должны настраивать проповѣдника на возвышенный тонъ“.

Случается, что иные проповѣдники, изъ излишняго стремленія къ популярности, поддѣлываются подъ народный говоръ, употребляютъ провинціальныя и пересыпаютъ свою рѣчь грубоватыми простонародными выраженіями, какія слышатся въ языкѣ необразованныхъ простолюдиновъ. Думаютъ тѣмъ угодить народу. Но народъ едва ли будетъ доволенъ, если проповѣдникъ будетъ спускаться въ своемъ проповѣдническомъ изложеніи до грубой необдѣланной рѣчи. Народъ все же сознаетъ священную важность церковной каведры, и благоговѣйное чувство, съ какимъ вѣрующій народъ расположенъ слушать священную проповѣдь, не заявитъ ли глухаго протеста, если проповѣдникъ о божественныхъ вещахъ будетъ говорить грубымъ простонароднымъ языкомъ, и не признаетъ ли нѣкотораго нарушенія святости церковнаго слова? Напрасно думаютъ, что народъ не пойметъ васъ, если вы будете говорить съ нимъ языкомъ чистымъ и облагороженнымъ. Не мудрите только, не ломайте искусственно свою русскую рѣчь, и она, облеченная въ простыя, но очищенныя и облагороженныя формы, будетъ понятною для него, и будетъ больше нравиться ему, чѣмъ рѣчь, успащенная

простоватыми выраженіями, взятыми изъ непечатнаго народнаго лексикона.

По этому вопросу прекрасное замѣчаніе сдѣлано было покойнымъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ¹⁾. Оно вызвано было тѣмъ, что ему представлена была программа ежемѣсячнаго изданія общепонятныхъ сочиненій религіозно-нравственнаго содержанія. По этому поводу митрополитъ Филаретъ выразилъ опасеніе, какъ бы не стали наполнять тонкую книжку сказаніями о грубыхъ порокахъ и безобразныхъ поступкахъ людей не образованныхъ, излагаемыми столь же грубымъ и безобразнымъ языкомъ. Для насъ особенно важно мнѣніе его о языкѣ, какимъ должно излагать народу христіанскія истины въ назначенныхъ для него сочиненіяхъ и проповѣдяхъ. „Говорить (замѣчаетъ онъ), что это—изложеніе ученія христіанскаго языкомъ простонароднымъ, не чуждымъ грубости—популярно. Да, популярно въ томъ случаѣ, если, вмѣсто прогресса отъ необразованности къ образованности, хотятъ вести народъ понятнымъ движеніемъ отъ образованности къ необразованности. Этотъ антипрогрессъ началъ было являться даже на церковной кафедрѣ одной изъ епархій, и, къ оскорбленію не только вкуса, но и нравственнаго и благочестиваго чувства въ печатной проповѣди²⁾, можно было читать слѣдующее и подобное слѣдующему: *надо крестить младенца—надо идти къ попу съ виномъ*. Благодареніе начальству, что такіа поученія не долго оглашали храмы, и вскорѣ перестали являться въ печати. Можно говорить понятно для самыхъ простыхъ людей, съ сохраненіемъ чистаго и правильнаго языка безъ обиды

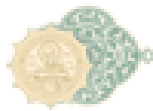
¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ московскаго митрополита Филарета. Т. V, ч. 2, стр. 863.

²⁾ Здѣсь имѣются въ виду проповѣди Оеофана Лебединцева, печатавшіяся въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей въ первые годы по основаніи этого журнала. Автору по этому поводу пришлось имѣть (въ 1863 году) личную бесѣду съ покойнымъ митрополитомъ, который поручилъ ему довести до свѣдѣнія кievскаго Владыки о замѣченномъ имъ неирричій въ кievскихъ проповѣдяхъ.

грамматикъ и логикъ. Когда писатель или наставникъ говорить простолюдинамъ языкомъ правильнымъ и степеннымъ, они чувствуютъ себя ниже его, и располагаются ко вниманію и уваженію. А когда онъ поддѣляется подъ ихъ грубое изломанное нарѣчіе, тогда они видятъ его ниже себя; потому что подражатель естественно ниже подражаемаго, и вниманію ихъ представляется не возвышенная идея наставника, а пошлый видъ актера, представляющаго ихъ быть“.

Амфитеатровъ, въ своей гомилетикѣ, дозволяетъ проповѣднику въ церковной бесѣдѣ употреблять простонародный языкъ, указавши на то, что онъ, при своихъ несовершенствахъ, имѣетъ свои же достоинства, и рекомендуя брать изъ него то, что въ немъ есть цѣломудреннаго, точнаго и выразительнаго ¹⁾. Но выставивши это общее положеніе, онъ счелъ нужнымъ сдѣлать надлежащее ограниченіе его въ справедливомъ опасеніи, что излишнее пользованіе выраженіями, взятыми изъ простонароднаго говора, можетъ повредить чистотѣ проповѣдническаго языка и довести церковную бесѣду до неприличія. „Принимая въ себя то, что въ простонародномъ языкѣ хорошо само по себѣ и годно вообще (говоритъ онъ), церковная бесѣда отнюдь не должна вдаваться въ вульгаризмъ безотчетный, и спускаться до тона площади, не должна употреблять словъ низкихъ и грубыхъ, не должна превращаться въ поговорку деревенскую... Однимъ словомъ, не должна свою мысль важную, требующую тона и рѣчи важной, рядить въ плебейскія *прибаутки*, въ многословіе деревенской сходимки, въ наивность слишкомъ простонародную. Подобный образъ бесѣдованія не только не есть бесѣда церковно-простонародная, но есть искаженіе самаго простонародія. Слишкомъ простонародить себя значить—не

¹⁾ Чтенія о церковной словесности или гомилетика Амфитеатрова, ч. 2, §§ 90—29), стр. 147—152.

учить, а по простонародному же выраженію, *розмовлять*, или терять рѣчи по пусту; за какую потерю осудить бы насъ и самый недалекій поселянинъ; потому что и онъ одаренъ чувствомъ приличія, умѣнїемъ отличать рѣчи своей хижины отъ рѣчи церковной¹⁾.

Въ силу указанныхъ соображеній, подтвержденныхъ авторитетными представителями науки и церковной проповѣди, мы не сочувствуемъ мнѣнію и желанію тѣхъ, которые, въ видахъ большіей популярности, требуютъ проповѣди въ церкви на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Въ послѣднее время особенно ратуютъ украинофилы за то, чтобы въ храмахъ малороссійскаго края проповѣди произносились не на русскомъ языкѣ, а на украинскомъ нарѣчїи. Претензія, намъ кажется, совершенно напрасная. Русскій языкъ, развившійся и окрѣпшій въ своихъ литературныхъ формахъ, одинъ, какъ одно русское племя, и намъ нужно стремиться не къ разчлененію и раздробленію его, а къ утвержденію и укрѣпленію его единства; въ единеніи его сила, а въ раздробленіи его ослабленіе. Особенности украинскаго нарѣчїя вовсе не такъ велики, чтобы нужно было думать и заботиться о совершенномъ выдѣленіи его изъ общерусскаго языка. Забота объ этомъ выдѣленіи его изъ общерусскаго языка вызывается не необходимостію, а сепаратическимъ узкимъ патріотизмомъ, которому мерещится, хотя въ отдаленномъ будущемъ, политическое отдѣленіе Малороссїи отъ Россїи, и ея самостоятельное (самостійное) политическое существованіе. Говорятъ, что русскій языкъ не понятенъ малороссійскому народу; по это напраслина, произвольно вводимая на малороссійскій народъ и безъ основанія увеличивающая его малопонятливость. Мы даже думаемъ, что общерусскій языкъ ему болѣе понятенъ, чѣмъ тотъ малороссійскій языкъ, какимъ пишутъ

¹⁾ *Гомилетика Амфитеатрова*, ч. 2, § 294, стр. 153.

сепаристы-украинофилы. Сочиненія, издаваемые товариством Шевченки, пишутся такимъ кованымъ искусственно языкомъ, наполненнымъ полонизмами и новоизмышленными словами, что истые малороссы не понимаютъ этого самостоятельнаго языка, и общерусскій языкъ для нихъ является болѣе понятнымъ, чѣмъ этотъ языкъ, претендующій на самостоятельное существованіе, наравнѣ съ общерусскимъ языкомъ. И едва ли будетъ отвѣчать общему желанію народа въ Малороссіи употребленіе украинскаго нарѣчія въ церковной проповѣди. Это желаніе интеллигенціи, не чуждой сепаратическихъ стремленій, искусственно навязываемое простому народу. Мы имѣемъ свидѣтельства отъ лицъ, служившихъ въ самомъ центрѣ Малороссіи (въ Полтавской губерніи), подтверждающія это положеніе. Въ одномъ большомъ селеніи вели дѣло проповѣди два священника,—одинъ при этомъ пользовался общерусскимъ языкомъ, а другой говорилъ свои поученія по-малороссійски. Народъ съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ относился къ первому проповѣднику, чѣмъ ко второму, и даже заявлялъ неудовольствіе на то, зачѣмъ батюшка въ церкви разговляетъ по нашему, по деревенски.

Какъ на высочайшій образецъ рѣчи популярной, мы опять указываемъ на бесѣды Господа Іисуса Христа, записанныя въ Евангеліи. При изложеніи возвышеннаго ученія все является у Него въ совершенно прозрачной формѣ. Все говорится просто, нѣтъ ни одного выраженія непонятнаго, но съ этою совершенною простотою соединяется необыкновенное благородство и чистота рѣчи. Онъ беретъ выраженія изъ обыкновеннаго языка человѣческаго, но ничто не чистое и грубое не попадаетъ въ Его слово. Для уясненія предмета Онъ употребляетъ сравненія, близкія къ быту простыхъ людей. Но можно ли найти въ Его рѣчи какой-либо образъ, не отмѣченный печатію чистоты и достоинства?

Изъ христіанскихъ проповѣдниковъ самымъ популярнымъ проповѣдникомъ, по общему признанію, былъ святой

Іоаннъ Златоустъ. Никто не умѣлъ говорить такъ просто и впечатлительно для слушателей, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ полное достоинство церковнаго языка,—какъ этотъ проповѣдникъ, отмѣченный титуломъ Златоуста, и никто не производилъ такого обаянія на народъ, собиравшійся вокругъ его кафедръ. Потому авторитетные гомилеты совѣтуютъ молодымъ проповѣдникамъ непрестанно, день и ночь, читать и перечитывать его бесѣды. Ни у кого, какъ у св. Златоуста (говорить Гиерій) нельзя научиться говорить ясно, просто, популярно, и вмѣстѣ умно, вполне прилично и важно ¹⁾. У того же проповѣдника рекомендуетъ учиться языку популярнаго краснорѣчія и Жиберъ. При совершенной простотѣ и прозрачности его словъ у него, по замѣчанію Жибера, нѣтъ никакого низкаго термина, ни одного грубаго образа, ни одного выраженія, могущаго оскорбить слухъ, привыкшій къ благородной рѣчи, но все чисто, благородно, возвышенно, вполне достойно посланника Господа Іисуса Христа, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени популярно ²⁾.

Что же дѣлать, чтобы овладѣть популярностью,—этимъ необходимымъ качествомъ для церковной проповѣди? Есть ли какія-либо надежныя практическія средства къ тому?

Теорія указываетъ нѣкоторыя правила, соблюденіе которыхъ способствуетъ достиженію популярности изложенія, и ихъ нужно имѣть въ виду проповѣднику, чтобы по возможности приблизиться къ идеалу популярнаго проповѣдника. Но одними правилами, какъ бы ни были подробно и тщательно разработаны они, нельзя дать проповѣднику овладѣть въ совершенствѣ этимъ необходимымъ качествомъ церковной проповѣди. Чтобы сдѣлаться совершеннымъ популярнымъ проповѣдникомъ, для этого требуется особый талантъ. Св. Іоаннъ

¹⁾ De formans concionibus sacris. Lib. 1, c. VI, p. 32.

²⁾ L'éloquence chrétienne dans l'idée et dans la pratique, chap. XIII, p. 251

Златоустъ сдѣлался таковымъ и овладѣлъ вполне качествомъ популярнаго, впечатлительнаго изложенія не чрезъ правило, а благодаря своему природному таланту. Но если и не дано тому или другому церковному учителю такого таланта, онъ не долженъ пренебрегать ничѣмъ, что могло бы замѣнить ему недостатокъ таланта.

Первое условіе для достиженія возможно популярнаго изложенія и представленія христіанской истины въ проповѣди, выполненіе котораго обязательно для каждаго проповѣдника,—ясное и отчетливое сознаніе предмета, о которомъ вести хочетъ рѣчь проповѣдникъ. Часто рѣчь проповѣдника является не вполне ясною для народа и грѣшитъ противъ закона популярности отъ того, что проповѣдникъ недостаточно продумалъ предметъ свой, и въ его головѣ нѣтъ отчетливаго представленія о немъ. Когда онъ окруженъ туманомъ въ умѣ проповѣдника, трудно ему явиться въ проповѣдномъ словѣ въ прозрачномъ видѣ, и въ этомъ случаѣ проповѣдникъ, и близкій къ народу, не дастъ ему того, чего народъ въ правѣ ожидать отъ него,—назиданія вполне яснаго и вразумительнаго. А какъ часто выступаютъ на кафедрѣ церковную люди съ недозрѣлою мыслию, съ сужденіями, поспѣшно срывающимися съ языка и мало провѣренными, и говорятъ слова, подъ которыми скрывается истина, не выношенная ими, поверхностно затронутая ими, отъ чего теряется надлежащее впечатлѣніе отъ ихъ проповѣди. И это допускаютъ нерѣдко люди съ талантомъ, но излишне самоувѣренные и вслѣдствіе этой самоувѣренности не трудящіеся надъ обдумываніемъ и уясненіемъ себѣ содержанія того ученія, которое они намѣрены или должны предлагать народу. Нынѣ требуютъ отъ пастыря-проповѣдника слова импровизованнаго, и говорятъ, что это импровизованное слово наиболѣе отвѣчаетъ истинному понятію проповѣди и производитъ болѣе благотворное впечатлѣніе на слушателей, чѣмъ слово напередъ приготовленное и записанное. Прекрасно, кто владѣетъ даромъ импровизаціи и

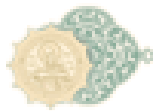
усерднымъ упражненіемъ развить этотъ даръ. Но это преимущество не всѣмъ дается. Когда говорятъ импровизаціи люди дюжинные, не владѣющіе быстрою мыслию и живымъ воображеніемъ, въ ихъ словѣ нѣтъ того, что требуется отъ проповѣди закономъ популярности. Ихъ мысль, во время сказыванія проповѣди, въ мукахъ рожденія. Они нерѣдко съ трудомъ выскипываютъ слова для выраженія своихъ идей, и эти идеи выходятъ изъ его устъ въ видѣ мыслей недоношенныхъ, не получившихъ надлежащей, органической полноты, и имъ недостаетъ того, что первѣе всего требуется отъ публичнаго церковнаго слова,—ясности, чуждой всякой темноты. При этомъ какъ будто густое облако скрываетъ проповѣдника отъ слушателей, и слушатели не выносятъ изъ его не твердаго слова отчетливаго представленія о томъ, что онъ хотѣлъ внушить имъ. Кто рѣшается или вызывается говорить импровизованное слово,—долженъ хорошо обдумать или уяснить себѣ то, что имѣетъ предложить народу. Иначе неизбежна неясность и, пожалуй, спутанность его мысли, и слушатели при этомъ могутъ встрѣтить затрудненія въ усвоеніи того, что говорилъ имъ проповѣдникъ. Проповѣди будетъ не доставать необходимаго качества популярности.

Для того, чтобы говорить популярно и съ большею впечатлительностію для народа, мало уяснить себѣ проповѣдуемую истину путемъ холоднаго разсудка; ее нужно насадить и утвердить въ своемъ сердцѣ. Это второе средство, способствующее достиженію того качества или совершенства проповѣди, которое означается именемъ популярности. Слово разсудка, не вышедшее отъ сердца и не согрѣтое теплотою благоговѣйной души, скользитъ по поверхности души слушателей и не проникаетъ въ ея внутреннее, подобно тому, какъ сухое сѣмя или зерно, брошенное на землю, скорѣе развѣтсится вѣтромъ и меньше укрѣпится въ почвѣ, чѣмъ сѣмя влажное. Есть много проповѣдниковъ, которые говорятъ съ яснымъ, твердымъ сознаніемъ дѣла или предмета и говорятъ

умно и основательно; но ихъ слово не производитъ надеждащаго, полнаго впечатлѣнія на слушателей, и часто слушаютъ его разсѣянно. И это зависитъ отъ того, что они говорятъ только умно; и въ ихъ словѣ не слышится голоса сердца, который одинъ можетъ тронуть души слушателей и возбудить ихъ вниманіе. Сердечное слово никогда не пропадетъ даромъ. „Пока истина усвоена однимъ разсудкомъ (говорить Юнгманнъ), она лежитъ въ головѣ проповѣдника, какъ мертвый капиталъ. Мыслящій умъ обнимаетъ ее только въ половину“ ¹⁾. Этому мертвому капиталу, предлагаемому въ сухой формѣ, затруднительно найти легкое обращеніе въ живой средѣ, въ сердцахъ народа, и истина, обнимаемая только мыслящимъ умомъ, половинчатая, не соприкасается всею полнотою своею и воспріемлемостію слушателей. Для того, чтобы она всею силою дѣйствовала на душу слушателей, ее нужно оросить росю благодати, согрѣть теплотою своего сердца, тогда она дастъ ростокъ, разовьется въ растеніе, покроется листьями и цвѣтами и принесетъ плодъ. Къ уясненію этого мы можемъ привести слова Господа Иисуса Христа, который говоритъ: *духъ есть, иже оживляетъ, плоть же не пользуется ничтоже: глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ, духъ сумъ и животъ сумъ* (Іоан. VI, 63). Такими же словами могутъ быть характеризуемы всѣ высокія истины христіанскія, возвыщать которыхъ призвалъ проповѣдникъ. Онѣ должны быть обнимаемы всею полнотою души, и отъ полноты души, проникнутой ими, должны быть сообщаемы и передаваемы другимъ, и при этомъ условіи онѣ являются способными глубоко дѣйствовать на другихъ. Тогда онѣ являются духомъ оживляющимъ; а безъ этого, въ сухой разсудочной формѣ, онѣ могутъ быть тѣмъ, что Господь назвалъ плотію, которая, по Его

¹⁾ Theorie der geistlichen Beredsamkeit, v. Jungmann. Th. II, s. 145.

словамъ, не пользуется ничтоже, то есть, тогда не производятъ онѣ надлежащаго своего дѣствія. Но какъ проповѣднику достигнуть того, чтобы въ его устахъ слово вѣры было не простою плотію, не однимъ холоднымъ словомъ знанія, но обладало силою духа и жизни? Одно средство для этого: нужно воспитать и укрѣпить въ себѣ духъ благочестія и сдѣлать свою душу воспріимчивою къ воздѣйствию благодати Божіей. Для достиженія этого живите полною жизнію церкви и сердцемъ участвуйте во всѣхъ священнодѣйствіяхъ, чаще обращайтесь своею мыслію къ Богу, чаще размышляйте и воспоминайте о Христѣ и планахъ божественнаго домостроительства, сдѣлайте предметомъ своего постоянного вниманія ученіе о нашемъ спасеніи, изучайте съ неослабнымъ усердіемъ книги божественнаго откровенія, указующія намъ путь къ животу вѣчному и творенія его истолкователей,—святыхъ отцевъ, и вамъ легко будетъ въ рѣчахъ о высокихъ истинахъ вѣры избѣжать холодной сухости разсудка, и вы будете говорить съ силою и впечатлительностію. Такой совѣтъ проповѣдникамъ истинъ вѣры даетъ премудрый сынъ Сираховъ. *Только тотъ (говоритъ онъ), кто посвящаетъ свою душу размышленію о законахъ Всевышняго,... кто сердце свое направитъ къ тому, чтобы съ ранняго утра обращаться къ Господу, сотворшему его, и будетъ молиться предъ Всевышнимъ, и будетъ размышлять о тайнахъ Божіихъ, только тотъ покажетъ мудрость свою, и будетъ источать слова мудрости своей... и многіе будутъ прославлять знаніе его, восприимая близкое сердцу ученіе его, и онъ не будетъ забыть во тѣхъ* (Сир. XXXIX, 1, 6, 8, 10—13).

Третіе средство къ достиженію возможной популярности при проповѣданіи слова Божія—постараться войти во внутреннее единеніе съ тѣмъ народомъ, которому вы несете и сообщаете святое благовѣстіе, и усвоить себѣ духъ и характеръ народа, образъ его пониманія и складъ его чувство-

ваній. Для этого нужно полное и широкое знакомство съ народомъ, съ его стремленіями и воззрѣніями, со всѣми отправлениями его душевной жизнедѣятельности, въ особенности съ его разумомъ и степенью его воспріимлемости по отношенію къ предметамъ вѣры и религіознаго вѣдѣнія. Но одного теоретическаго знанія, какъ бы оно ни было хорошо, здѣсь недостаточно. Нужно не только знать народъ, которому вы проповѣдуете, но и любить его, и чрезъ любовь сродниться съ нимъ сердцемъ. Любовь—великая сила: она даетъ проповѣднику даръ или умѣнье говорить народу вполнѣ понятно для него, сильно и впечатлительно, и тогда слово проповѣдника будетъ ложиться на сердца слушателей, какъ слово имъ близкое, текущее изъ родственной груди. Указываютъ на мать, которая умѣетъ говорить и съ дитятею двухъ лѣтъ, и съ дитятею четырехъ лѣтъ и съ мальчикомъ лѣтъ десяти, каждый разъ приспособляясь къ ихъ развитію и способу ихъ пониманія. Что даетъ ей силу или умѣнье говорить внятно и вразумительно съ дѣтьми разныхъ возрастовъ и не одинаковой степени развитія? Эту силу даетъ ей любовь, какую она питаетъ къ своему дитяти, связывающая ее съ нимъ неразрывными узами. И для проповѣдника нельзя рекомендовать другого болѣе дѣйствительнаго условія популярности его словъ, кромѣ его любви къ своей братіи, подчиненной его водительству, кромѣ внутренняго единенія съ тѣми, которые собираются вокругъ его каедры и ждутъ отъ него слова назиданія.

Какъ достигнуть этого внутренняго сближенія съ народомъ, составляющаго одно изъ главныхъ условій популярности проповѣди?

Амфитеатровъ указываетъ два способа къ этому, воспитаніе въ подлинномъ духѣ народа, и опытъ цѣлой жизни, ведомой вблизи народа и въ союзъ съ нимъ. „Воспитаніе (говоритъ Амфитеатровъ) должно начинаться съ дѣла матерняго въ домѣ родительскомъ на народныхъ началахъ и

основаніяхъ. Съ первую земною пищею, т. е. съ молокомъ матернимъ дитя должно воспринимать въ свою душу живую любовь къ своему отечеству и своему народу, и здѣсь должны получиться зачатки будущаго единенія съ народомъ. По мѣрѣ возрастанія дитяти эти зачатки будутъ проявляться и укрѣпляться. Отъ этого пути отступаютъ тѣ, которые дѣтей своихъ, въ первые годы ихъ развитія, поручаютъ руководству иностранныхъ гувернеровъ или гувернантокъ, совершенно чуждыхъ русскому духу и не понимающихъ его, отчего и являются часто между такими воспитанниками отщепенцы отъ своего народа. Хорошая няня въ этомъ отношеніи можетъ оказать болѣе благотворное вліяніе на народный складъ души ребенка, чѣмъ иностранные воспитатели. Пушкинъ съ благодарностію вспоминалъ о своей нянѣ, которая его чуткой душѣ своими разсказами давала настроеніе, сдружавшее его съ народомъ.

Воспитаніе въ народномъ духѣ, начатое въ родительскомъ домѣ, должно бы продолжаться и въ школѣ. Но школа не всегда способствуетъ воспитанію въ духѣ народномъ. Она, даже тогда, когда наиболѣе націонализирована, отрываетъ воспитанника отъ живой струи народной. Въ стѣнахъ школы образуется и скопляется особый, какъ бы тепличный воздухъ, отличающійся во многомъ отъ находящагося въ окружающей ее атмосферѣ. Дыша этимъ воздухомъ, воспитанникъ школы теряетъ чуткую восприимчивость къ элементамъ, какими живетъ и питается народъ, и по выходѣ изъ школы если не теряется, то ослабляется живая непосредственная связь его съ народомъ. Мы съ сожалѣніемъ должны отмѣтить, что въ наши школы вторгается еще совершенно чуждый духъ, перенесенный изъ другихъ странъ, упредившихъ насъ на поприщѣ просвѣщенія. Утвердившись въ школѣ, овладѣвъ нерѣдко умами руководителей школы, онъ вытѣсняетъ изъ нея народныя начала, и изъ русскаго дѣлаетъ какого-то космополита, не то нѣмца, не то француза.

Особенно въ послѣднія десятилѣтія замѣтно уклоненіе школы отъ народныхъ элементовъ, вслѣдствіе чуждыхъ вліяній, и изъ нашихъ высшихъ школъ стали выходить люди, совершенно утерявшіе народный обликъ. Многіе изъ нихъ пренебрежительно относятся къ той святыни, которая составляетъ корень народной жизни, и которою народъ дорожитъ болѣе всего. А иные изъ нихъ идутъ въ народъ съ тѣмъ, чтобы перевоспитать его, и въ этихъ видахъ стараются подавить и истребить въ немъ тѣ добрыя начала, какими живетъ онъ, и посѣвать въ его душѣ чуждое ему разрушительное сѣмя. Нравственное паденіе русскаго общества, отъ котораго такъ много страдаетъ наше поколѣніе, началось именно отъ школы, порвавшей связь съ крѣпкимъ духомъ народа. Тамъ первоначально явился духъ противленія порядку и самоволіи, овладѣвающій массами, и выражающійся забастовками, и отъ питомцевъ высшихъ школъ, утерявшихъ національный духъ, и чрезъ нихъ онъ переходитъ къ части городского общества, а въ послѣднее время и деревенскаго, чрезъ что измѣняется народная физіономія и такъ много ущерба и скорби тернить страна наша.

Наши духовно-учебныя заведенія, въ которыхъ готовятся будущіе пастыри церкви, находятся въ лучшихъ условіяхъ. Но и въ нихъ вроторгается духъ, неблагоприятный для укрѣпленія народнаго сочувствія и раздражающій питомцевъ съ тою средою, на которую потомъ приходится дѣйствовать пастырю-проповѣднику. Для ослабленія этого вліянія, расторгающаго связь съ народомъ, могли бы служить отпуски воспитанниковъ школы въ вакаціальное время въ родные края, во время которыхъ они могли бы жить въ непосредственной близости къ народу и воспринимать отъ него силу единенія съ нимъ. Кромѣ отдохновенія, доставляемаго этими вакаціальными днями, здѣсь могло приниматься въ расчетъ и то освѣженіе отъ общенія съ народною средою и освобожденіе отъ тепличнаго воздуха школы, не совсѣмъ

благопріятнаго для утвержденія въ душахъ живой связи съ народомъ.

Далѣе, къ единенію съ народомъ долженъ вести чело-
вѣка проповѣдника опытъ жизни. Чтобы узнать народъ и
сблизиться съ нимъ, мало довольствоваться случайными встрѣ-
чами съ нимъ, какъ бы онѣ ни были часты. Нужно желать
и искать этихъ встрѣчъ, и не смотрѣть холоднымъ окомъ
издалека на развертывающуюся предъ нимъ жизнь, разузна-
вать нужды живущихъ близъ насъ людей, входить съ ними
въ бесѣды, и съ участіемъ воспринимать ихъ заявленія. При
такомъ общеніи съ народомъ откроется для проповѣдника
душа народа; онъ узнаетъ ее и вмѣстѣ съ тѣмъ полюбитъ ее,
и тогда дастъ ему возможность говорить съ нимъ по душѣ,
мало и понятно для него, — въ высшей степени популярно.

Указываютъ, какъ на источникъ для ознакомленія съ
народомъ, и какъ на пособіе къ пріобрѣтенію популярнаго
изложенія, на разныя повѣствованія, изображающія бытъ на-
рода, и написанныя языкомъ простонароднымъ. „Не споримъ
(говоритъ Амфитеатровъ), что подобные источники помогаютъ
изучать духъ народа; но здѣсь всегда угрожаетъ проповѣд-
нику опасность, чтобы духъ книжный — начитанный не при-
нять за дѣйствительный духъ. И развѣ не часто этотъ кни-
жный духъ играетъ роль подлиннаго въ сочиненіяхъ разнаго
рода?“ ¹⁾

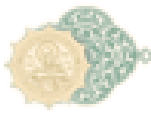
Въ настоящее время у насъ пользуются особеннымъ
вниманіемъ читающаго общества сочиненія Максима Горькаго
и Андреева, избравшихъ своею спеціальностію изображеніе
міра босяковъ, излюбленными героями которыхъ являются
отверженцы общества, едва не потерявшіе образъ человѣче-
скій. Авторы эти пишутъ грязныя картины прямо съ нату-
ры, и своимъ умѣлымъ перомъ придаютъ имъ лоскъ худо-
жественности, прельщающій невзыскательнаго читателя, и
какъ будто знакомятъ съ глубинами народной жизни. Но мы
не совѣтовали бы проповѣдникамъ изучать бытъ народа по

¹⁾ Гомилетика Амфитеатрова, ч. II, § 224, стр. 43.

этимъ сочиненіямъ, и по нимъ знакомиться съ народомъ. Не народъ узнаете вы по нимъ, а только жалкіе подонки народа, и вмѣсто симпатіи къ народу отъ этихъ уродливыхъ типовъ и исковерканныхъ людей вы получите только горькое чувство сожалѣнія о той глубинѣ паденія, до какой можетъ дойти человѣкъ. А душа народа, въ ея чистотѣ, не искаженномъ образѣ, остается незатронутою ими. Это не повѣсть о народѣ, а пасквиль на народъ, выставлющій на верхъ его то, что должно скрываться въ трущобахъ и низменныхъ подземельяхъ. Такіе писатели даютъ одностороннее и ложное представленіе о народѣ, и нисколько не способствуютъ внутреннему сближенію вашему съ народомъ, и не отъ нихъ можно научиться популярной рѣчи, дающей отвѣты на запросы души народа, и доступной для него по своему складу. Изучайте душу народа, такъ сказать, въ его сердцевинѣ, въ его чистыхъ представителяхъ, а не въ тѣхъ жалкихъ отбросахъ, въ которыхъ исказилась и исковеркалась идея національнаго типа до того, что трудно уловить здѣсь какія-либо существенныя черты народнаго характера.

Сознавая недостаточность указанныхъ нами средствъ къ пріобрѣтенію искусства популярнаго изложенія проповѣдей, мы обращаемся къ такту и усердію людей, призванныхъ къ служенію церковнаго слова. При усердіи и внимательности къ своему дѣлу, они практикою пріобрѣтутъ себѣ то, на что указываетъ теорія, но чего дать она одна не въ состояніи.

Только каждый, несущій долгъ проповѣдничества (такое будетъ наше заключительное слово) долженъ приложить всѣ заботы къ тому, чтобы не погрѣшати противъ законовъ популярности въ исполненіи своего долга и болѣе или менѣе, *по мѣрѣ возможности, приближаться къ идеалу проповѣдника популярнаго.* „Цѣните популярность выше всѣхъ качествъ христіанскаго оратора (скажемъ словами замѣчательнаго французскаго гомилаета, писавшаго въ эпоху наивысшаго

расцвѣта французской проповѣди), и знайте, что вы настолько будете успѣвать въ краснорѣчіи, насколько будете успѣвать въ популярности. Ничего не забывайте для пріобрѣтенія ея,—знанія свѣта, знанія сердца, постояннаго изученія природы, непрестанныхъ размышленій о мысляхъ и чувствованіяхъ людей, о манерѣ, какою они выражаютъ ихъ, частаго обращенія къ древности. Питайте себя чтеніемъ святаго Златоуста: это популярный проповѣдникъ по преимуществу; на все, что онъ говоритъ, онъ умѣетъ распространять вѣянія популярности, дѣлающей его бесѣды такъ впечатлительными для всѣхъ“¹⁾).

В. Пѣвницкій.

---

¹⁾ L' eloquence chretienne dans l' idée et dans la pratique, par B. Gibert, chap. XIII, p. 251, изд. 1866.